

Елена Морозова

Тимон и Найда

12+

Елена Юрьевна Морозова

Тимон и Найда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42650946

SelfPub; 2019

Аннотация

Что можно найти в лесу? А уж это что Солнышко светлое рассудит, да Судьба-пряха нарядёт. Грибы, ягоды, дичь... а может, сестрёнку?

Содержание

Отчим

4

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Отчим

Рисунок [Karego](#) на фест «Миры из материала заказчика»

Сестрёнку Тимон нашёл в лесу.

То есть тогда он ещё не знал, что это странное, зарёванное существо станет ему сестрёнкой. А когда углядел под спутанной гривой остренькие собачьи ушки – вообще заподозрил, что не человек перед ним, а нежить. Да ведь нежить Жертвой быть не может, а у этого лохматого недоразумения ручонки жёлтой лентой перевиты, только она её так изгваздать успела, что не сразу и разглядишь. После уже спросил про венки – оказалось, был, да ещё ночью потерялся. Ночью, понятно? А всякому известно: коли Жертва ночью в лесу уцелела, так значит, само Солнышко Светлое ей жизнь назначило, и воле его противиться – грех великий. А оставить в лесу этакое чудо – всё одно, что убить, хоть бы благословение солнечное её от зверей и хранило. Это взрослого лес прокормит, а малявка от силы пяти лет от роду разве что ягод набрать сумеет, на которых долго не проживёшь. Так что коли тропа лесная её навстречу Тимону вывела – ему о ней и заботиться, и ничего тут не поделаешь. Ну и ладно, он, как-никак, уже почти взрослый, десятую весну на свете живёт, да и дед, хоть и ворчит вечно, что в землю пора, зато такого огорода, как у

него, на три деревни не сыщешь. Прокормят малявку, много ли ей надо-то?

Дед обычаи лучше Тимона знал – только вздохнул тяжело, а говорить ничего не стал. А на Тимоновы сомнения хмыкнул, да велел найдёнку за стол сажать, кашей потчевать. А в кашу масло земносолнышкового накапал, да для надёжности ещё и лепестков сушёных добавил. Всяк ведь знает: у нежити лесной тьма в крови, а цветок этот – отражение солнышка на земле, нежить к нему и близко подойти не смеет, не зря его вдоль ограды деревенской сажают.

Малявка изголодаться успела знатно, вмиг хныкать перестала и на кашу набросилась. Тимон и оглянуться не успел, как всю миску смела, куда только и влезло? Лепестков, видать, и вовсе не заметила. Так Тимон после всем и говорил – никакая она не нежить, коли земносолнышка не боится, а уши мало ли какие бывают, уж лучше такие, чем лопухи веснушчатые, как у Риманова Ларьки. А чем к чужим ушам цепляться, на своё пузо посмотри, круглей, чем у светомыши, только с того хоть свет идёт, а с твоего – одно бурчание...

Нет, сперва-то он и сам на найдёнку злился, что вечно хнычет, мамку поминает, делать ничего толком не умеет, и вообще, в хозяйстве человек никчемушный. Но то сам. Впрочем, взрослые быстро устали языками трепать, а скорую на дразнилки малышню и подзатыльником поучить не грех. На свою как хочу, так и ворчу, а чужим нечего, вот!

И сам не заметил, как к «свою» стал «сестрёнку» добав-

лять.

Имя да название родной деревни у малышки и спрашивать не стали. Жертва, даже если жива осталась, для прошлой жизни умерла. Хотели Солнцедарой назвать, да не прижилось, больно уж не шло звонкое имя к несуразному этому, вечно растрёпанному существу с диковатым взглядом. Звали то Дарёнкой, то Найдой, деду первое больше нравилось, Тимону – второе, а она на оба имени откликалась. Так с двумя и жила.

Росла Дарёнка на удивление быстро, за четыре года обогнав всех ровесников, а может, старше была, а маленькая с бескормицы. У деда-то с Тимоном голодать, слава Солнышку, не приходилось, а уж ей они и вовсе лучший кусок всегда подкладывали. Вот и выправилась.

На пятый год остались они с Тимоном вдвоём. Деда угрозило в лесу на гнездо шершутов нарваться – вот уж верно говорят, что и на старуху бывает проруха. И ладно бы летом или хоть осенью, а то весной, когда у них яд за всю зиму накоплен. Молодой бы, глядишь, ещё и выжил, а старику хватило.

Деда схоронили рядом с родителями Тимона, что вдвоём в одной могиле лежали. Тимон их живыми и не помнил, когда они померли, ему и двух вёсен не сровнялось. Мор тогда по деревне прошёл, и дед как-то обмолвился, что и они тогда Жертву в лес увозили. За три дня пути, по обычаю, чтобы своими ногами назад вернуться не сумела. А кого, из чьего

рода, – о том не сказывал, не принято о таком вспоминать. Отдали – и ладно, Солнце жертву приняло, прекратился мор, не выкосил работников подчистую. А сирот тогда по деревне немало бегало, мор, как ни странно, детишек щадил. Тимону ещё повезло, что при деде оказался, теперь вон своим домом живёт, не как Рунька, или, скажем Цветка, которым ещё не один год чужую доброту отрабатывать, раньше, чем на родительскую избу право вернуть.

Без деда стало труднее, ну да к этому времени Найда уже всю брату помогала, так что урожай собрали хоть и не такой, как прежде, но до весны должно было хватить. Вроде и наладилась жизнь, а всё одно – пусто в избе стало. Вот уж когда Тимон Солнышко Ясное всяк день благодарил, что сестрёнкой одарило! Без неё и вовсе тоска бы заела, а так – поди, потоскуй! Ты старший, маленькую утешать должен. Она деда тоже полюбить успела. И глупышка ещё, ростом только и вымахала, а иногда глянешь – дитё дитём. Не, так-то умненькая, и работа меж рук не падает, но наивная – жуть. Всякому слову верит.

Вот и теперь.

– Ти-и-имка! Я боюсь!

– Чего, глупая?

– У деда в каморе кто-то есть!

– Да кто там может быть? Мышь, небось, скребётся.

– Не-а, что я мышей не слышала? А Радка говорила, что если человек не своей смертью помер, то год потом не упо-

коится, вот. А вдруг это дед там?

– Дура твоя Радка. Непокойником только те становятся, кто далеко от жилья помер и погребения честного не получил. Да и те человеку ничего не сделают, только ноют да просят, чтобы их тело нашли.

– Ну Ти-и-имка! Тебе тут не слышно, а я боюсь!

Тимон и впрямь от дедовой каморы дальше, где спал малым, там и остался. Найда сперва с ним спала, а как подросла немного – дед её в большую горницу на печь переселил, а сам в камору при сенях перебрался. Чтобы всё по обычаю: хозяин ко входу ближе, ему первому гостей встречать, что прошенных, что незваных, хозяйка – на печи, ей первой вставать, завтрак готовить, прочие, малые да старые, в дальних покойчиках, а коли девка заневестится, так ей и вовсе на чердаке светлицу ладят – к Солнышку ближе, от соблазна дальше. Но Найде до невестиных лет ещё расти и расти, а другой хозяйки в доме всё одно нету, разве что Тимон приведёт, так это тоже не завтра будет. Вот и спит в горнице.

– Ну Тимка!

– Вот настырная!

Не хотелось Тимону вылезать из нагретого лежбища, да ведь не отстанет же! Что под руку попало, через голову натянул, светомышу из клетки цапнул и дверь в горницу распахнул. Да так и застыл. Найда шагнула было вслед, пискнула жалобно и к Тимону под руку нырнула, прижалась, дрожит, глаза от страха круглые, каждый как пуговица с дохи. Да и

у него, верно, не меньше.

Светомыша хоть и спала, а разгорелась сразу ярко, осень же, самое их время. Всю горницу разом осветила. А посередь горницы стоит странный кто-то: физиономия вроде как человеческая, мужик как мужик, разве что щетиной зарос, а вместо волос – шерсть, да не на голове только, а по всему телу. Крепенький такой, росточком Найде по плечо, а плечами и Тимону не уступит. Уши собачьи врастопырку, со спины, верно, глянуть – так совсем бы зверь, коли не было бы на нём штанов коротких и рубашки без рукавов, и то, и другое в копоти. Что за чудо такое, откуда взялся? Дверь-то Тимон сам закрывал на засов, его ещё отец делал, да так, что снаружи ну никак не отожмёшь! И на окнах ставни, тоже запертые.

Не было бы рядом Найды – завопил бы Тимон так, что побелка с печки облетела бы. Он бы и так завопил, но сперва горло перехватило, а после глупо как-то показалось: стоял-стоял, да вдруг вопить начал. Так и продолжал стоять. Молча.

И неясно, чем бы всё это закончилось, но тут пришелец сам голос подал. Вполне, к слову, нормальный голос, хрипловатый только.

– Ну, чего смотрите-то? Домовых не видели? Хотя и правда ведь, откуда вам... Нет нас в вашей деревне, не завезли потому как. А всё оттого, что знающих людей мало, стариков-то слушать не хотите, скучно вам стариков слушать, вот и получаете что получаете, а без нас-то, как ни крути, а дом

не крепок...

До Тимона и смысл-то ещё не дошёл, а страха как ни бывало, до того говорок этого чуда невиданного был похож на дедово ворчание. Будто и впрямь встал старик из могилы, чтобы внуков непутёвых на ум наставить.

– Ой, а я тебя, кажется, видела, – пискнула из-под руки Тимона Найда. – Точно ведь, видела! Когда маленькая была. Только ты тогда был не волосатый и одетый!

– На себя посмотри! – фыркнул пришелец. И впрямь, не Найде бы говорить про «одетый», сама как спала под периной в одних нижних портах, так к брату и выскочила. – А что видела – так не диво, диво было бы, кабы не видела, отца-то родного...

До того Тимону казаться стало, что он хоть что-то понимает, вот то хотя бы, как гость непозванный в дом попал: известно же, что домовые любой тварюшкой обернуться могут, да и стены им не помеха. А теперь всё ещё непонятнее стало. Как-так – отец? Домовой же, сам только что сказал! Охранители – они хоть и добрая, а всё ж нежить, слыханное ли дело, чтобы такой человеку родней приходился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.